ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 11 | 2026. Volume 19. Issue 11
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Слова арабо-персидского происхождения с семантикой «лечение и выздоровление» в башкирском языке на общетюркском фоне

Экба З. Н.

Аннотация. Цель исследования – определить объем и статус арабо-персидского языкового влияния, которое проявляется в семантическом поле «лечение и выздоровление» современного башкирского языка и его диалектов. Научная новизна работы состоит в том, что впервые собрана и систематизирована ориентальная лексика, относящаяся к данной лексико-тематической группе в башкирском языке, извлеченная из разнородных источников: академических и диалектологических словарей, этимологических работ, фольклорных записей и полевых материалов автора. В статье на конкретных примерах показано, как арабские и персидские заимствования, попадая в башкирский язык, развивают вторичные, периферийные и метафорические значения, обрастают мифологическими коннотациями и вступают в системные отношения с исконной лексикой. Функционирование этой лексики в устном народном творчестве свидетельствует о ее глубоком внедрении в народно-разговорную речь башкир. В результате исследования установлено, что заимствованная арабо-персидская лексика с семантикой «лечение и выздоровление» представлена практически во всех языках западнохунской ветви тюркских языков, чисто поволжских ориентализмов среди них нет. Приведенные в настоящей работе данные из тюркских языков различных групп и регионов позволили в значительной степени восполнить недостающие сведения в этой области и существенно расширить географический ареал арабо-персидского влияния на лексику, составляющую семантическое поле «лечение и выздоровление», включив в него тюркские языки Передней и Средней Азии, Кавказа и Крыма.

EN

Words of Arabic-Persian origin with the semantics of “treatment and recovery” in the Bashkir language against a pan-Turkic background

Z. N. Ekba

Abstract. The aim of this study is to determine the scope and status of Arabic-Persian linguistic influence as reflected in the semantic field of “treatment and recovery” in the modern Bashkir language and its dialects. The novelty of the work lies in the fact that, for the first time, Oriental vocabulary belonging to this lexical-thematic group in Bashkir has been collected and systematized from diverse sources: academic and dialectological dictionaries, etymological studies, folklore records, and the author’s field materials. Using specific examples, the article demonstrates how Arabic and Persian loanwords, upon entering Bashkir, develop secondary, peripheral, and metaphorical meanings, acquire mythological connotations, and enter into systemic relationships with native vocabulary. The use of this vocabulary in oral folk literature attests to its deep integration into the colloquial speech of the Bashkirs. The study establishes that borrowed Arabic-Persian vocabulary with the semantics of “treatment and recovery” is represented in virtually all languages of the West Hunnic branch of the Turkic languages; there are no purely Volga-region Orientalisms among them. The data on Turkic languages from various groups and regions presented in this work have substantially filled gaps in this area and significantly expanded the geographical range of Arabic-Persian influence on the vocabulary constituting the semantic field of “treatment and recovery”, incorporating the Turkic languages of Western and Central Asia, the Caucasus, and Crimea.

Введение

Актуальность исследования определяется назревшей необходимостью составления этимологического словаря башкирского языка. В настоящее время в башкирском языкознании сложились соответствующие предпосылки,

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260546

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

которые способствуют осуществлению этой задачи. За последние десятилетия лингвистическая наука обогатилась новыми лексикографическими трудами. В первую очередь следует отметить выход в свет «Академического словаря башкирского языка» в десяти томах – «Башҡорт теленең академик һүҙлеге» (АСБЯ, 2011-2018). В словарь вошли не только общеупотребительные слова, но и наиболее распространенные диалектизмы, архаизмы и историзмы, просторечия и научная терминология, а также имена собственные. Ученым удалось собрать, всесторонне описать и систематизировать лексический состав, так что на сегодняшний день словарь стал наиболее полным собранием лексического фонда башкирского языка за всю историю академической лексикографии.

Не менее ценным источником является не так давно изданная силами сотрудников Института истории, языка и литературы УНЦ РАН работа известного башкирского ученого А. Г. Биишева «Арабские и персидские слова в башкирском языке» – «Башҡорт телендә йөрөгән ғәрәп һәм фарсы һүҙҙәре» (Бәйешев, 2009), основанная на материалах его рукописей. В словаре представлена как широко распространенная лексика арабского и персидского происхождения, так и малоупотребительная устаревшая лексика, с указанием на источник в оригинальной графике с толкованием на башкирском языке.

Кроме того, следует отметить и достижения башкирских диалектологов «Диалектологический словарь башкирского языка» (ДСБЯ, 2002) и «Диалектологический атлас башкирского языка» (ДАБЯ, 2005), которые представляют объемный материал для изучения заимствований – как известно, в диалектах слов арабо-персидского происхождения содержится гораздо больше, чем в литературном языке.

Значительным явлением башкирской лексикографии последних лет является «Башҡорт халыҡ мәкәлдәре һәм әйтемдәре һүҙлеге» («Словарь башкирских народных пословиц и поговорок») М. Х. Ахтямова (Әхтәмов, 2008). Этот труд является поистине бесценным источником для изучения народного языка, а через него и менталитета башкир, их истории и культуры.

Все эти достижения лингвистической науки последних лет позволяют значительно дополнить, расширить и обогатить исследования по дальнейшему изучению арабо-персидской лексики с учетом новейших данных. Языковедческие разработки с привлечением этнографических материалов, собранных в ходе полевых исследований, могут стать основой для составления «Этимологического словаря» башкирского языка, что определяет практическую значимость исследования.

Идея составления Этимологического словаря неоднократно обсуждалась и находила свое обоснование в научной среде (Хисамитдинова, 2019). Как отмечает Ф. Г. Хисаметдинова, «постановка и решение такой сложной задачи обусловлена как сугубо лингвистическими, так и общекультурными причинами. Во-первых, выяснение исторического прошлого слов, их семантических и словообразовательных отношений послужит основанием для решения семасиологических, орфографических, стилистических и других актуальных вопросов современного башкирского языкознания. Специалистам по другим тюркским языкам этимологический словарь башкирского языка поможет в выяснении исторических связей башкирской лексики с лексикой других языков, особенно при разграничении общетюркских и межтюркских основ» (2019, с. 99).

Если обратиться к трудам отечественных тюркологов, в которых освещается лексика, относящаяся к лечению и целительству в тюркских языках, то обнаружим, что наибольшая ее часть, в частности названия трав, растений, минералов и других природных компонентов, используемых в народной медицине, а также средств и способов лечения, имеет исконное происхождение. Однако башкирский язык, как и другие тюркские, заимствовал некоторое количество слов данной лексико-тематической группы из арабского и персидского языков в силу исторически сложившихся контактов между предками этих народов и их языками.

В настоящей статье будет подробно рассмотрена лексика арабо-персидского происхождения, отражающая семантическое поле «лечение и выздоровление», в современном башкирском языке и его диалектах. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: осуществление максимально полной выборки лексики, относящейся к семантическому полю «лечение и выздоровление» из лексикографических источников башкирского языка; сравнительно-исторический анализ соответствий этих лексем в других кыпчакских языках Поволжья, Средней Азии и Кавказа, огузских и карлукских языках, а также финно-угорских языках при наличии таких изоглосс; этимологический анализ заимствованной лексики на основе данных словарей и полевых материалов автора.

В работе применяются такие методы исследования, как лексико-семантический и описательный метод, метод структурного анализа (для определения мотивационных признаков заимствованных слов), метод сравнительно-исторического анализа (для выявления изоглосс исследуемых лексических единиц в тюркских языках), типологический метод (типология родственных языков), этимологический метод, лингвокультурологический метод, благодаря которому лингвистические данные дополняются этнографическими материалами, собранными в ходе полевых исследований.

Помимо упомянутых, в статье использована методология разбивки заимствованной лексики на семантические поля, разработанная и апробированная в ряде работ О. А. Мудраком (2014; 2016; 2023; 2026). Методика заключается в разбивке общей лексической базы на значимые семантические (и дополнительно грамматические) поля с целью последующего количественного подсчета и качественного анализа заимствованных слов.

Таким образом, методология работы основана на комплексном лексико-семантическом, сравнительно-историческом и лингвокультурологическом анализе с опорой на широкий круг источников и полевых материалов.

Материалами исследования послужили лексические единицы башкирского языка и его диалектов, полученные методом сплошной выборки из следующих лексикографических источников: «Академический словарь

башкирского языка» в 10 томах (АСБЯ, 2011-2018), «Диалектологический словарь башкирского языка» (ДСБЯ, 2002), «Башкирско-русский словарь слов арабского и персидского происхождения» (Экба, 2004), «Башҡорт телендә йөрөгән ғәрәп һәм фарсы һүҙҙәре» («Арабские и персидские слова в башкирском языке») (Бәйешев, 2009).

К лексемам башкирского языка в данной статье приводятся соответствия в тюркских и финно-угорских языках Поволжья, а также в кыпчакских и огузских языках Кавказа, Крыма и Средней Азии на основе двуязычных словарей. Производится словообразовательный разбор лексики, ко всем словам приводятся этимологии с опорой на толковые и этимологические словари; к работе привлекаются также полевые материалы автора, собранные во время экспедиции в Ишимбайский район республики Башкортостан (ПМА, 2024).

Источники происхождения слов приведены по словарю “A Comprehensive Persian-English Dictionary” (Steingass, 1892), транслитерация арабской графики приводится в соответствии с общепринятой международной системой, изложенной в работе “Die Transliteration der arabischen Schrift” (Denkschrift, 1935).

Теоретической базой стали труды отечественных ученых по исследованию ориентальной лексики в башкирском языке. Первыми изысканиями в этой области были работы «Арабские элементы в башкирском языке» и «Варваризмы в башкирской речи» классика отечественной тюркологии Н. К. Дмитриева (1929; 1930). Он определил две категории лексем арабского происхождения: 1) активный словарь арабизмов, который наблюдается как нечто органическое в живой речи современных башкир (названия, собственные имена, религиозные и некоторые бытовые термины); 2) пассивный словарь арабизмов, который потенциально понятен всему языковому коллективу, но которым в полной мере пользуются лишь отдельные лица, работающие над созданием башкирского литературного языка (следует помнить, что языковая ситуация, взятая за основу в данной статье, относится к 30-м годам прошлого века). В этих работах основное внимание уделено вопросам фонетической адаптации заимствованной лексики в башкирском языке, а вопросы семантического освоения затронуты лишь косвенно.

Более подробную разработку данной проблемы находим в последующих работах таких известных исследователей башкирского языка, как Дж. Г. Киекбаев (Кейекбаев, 1958), Н. Х. Максютова (1966), Э. Ф. Ишбердин (1986) и некоторых других. Как отмечали ученые, количество усвоенных слов арабского происхождения с конкретным значением не так велико: Дж. Г. Киекбаев (Кейекбаев, 1958, с. 137) приводит около 400 таких слов, среди которых, как позднее напишет Э. Ф. Ишбердин (1986, с. 116), не все являются собственно арабскими – часть из них персизмы, а другая часть могла проникнуть через персидское или тюркское посредство. Персидские заимствования отнесены к более широкому кругу лексики: абстрактные понятия, религиозные термины, предметы быта, слова, относящиеся к различным обозначениям человека, лексика растительного и животного мира, названия дней недели, служебные слова. Кроме того, не только в башкирском, но и в большинстве тюркских языков Поволжья, Средней Азии и Кавказа функционирует много антропонимов, многие из которых уже утратили свои апеллятивные значения.

Следующей значимой работой, в которой рассматриваются особенности арабских и персидских заимствованных слов в башкирском языке XVIII-XIX вв., стала монография Р. Х. Халиковой (1990). Помимо вопросов фонетической и семантической адаптации ориентальных слов, специальное внимание в ней уделено вопросам грамматического состава заимствований: отмечено, что большую часть составляют существительные, прилагательные, наречия, местоимения, союзы и частицы. Глаголы, будучи «непроницаемой» частью речи, не вошли в язык башкир, что характерно, впрочем, и для других тюркских языков (Халикова, 1990, с. 23, 47-53).

Одной из наиболее значительных работ в области тюркской лексикологии является монография «Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья» Р. Г. Ахметьянова (1989), в которой есть специальный раздел «Болезни, гигиена, лечение», включающий этимологический и сравнительно-исторический анализ как исконных, так и заимствованных слов данной тематической группы. Следует, однако, учесть, что список лексических единиц, представленных в ней, далеко не полный, так как автор не ставил задачи анализировать данные остальных тюркских языков за пределами Поволжского региона.

Поэтому в результате настоящего исследования предполагается в значительной степени восполнить этот пробел, расширяя ареал сопоставления и дополнительно привлекая материалы кыпчакских и огузских тюркских языков Средней и Малой Азии, Кавказа и Крыма.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что исследование вносит вклад в общую теорию лексических заимствований и семантической адаптации. В научный оборот вводятся диалектные материалы, собранные автором в ходе полевых исследований, что расширяет эмпирическую базу башкирской диалектологии и этимологии.

Практическая значимость заключается в следующем: материалы исследования могут быть применены при чтении курсов по сравнительно-исторической тюркологии, лексикологии и диалектологии тюркских языков, а также использоваться при составлении этимологического словаря башкирского языка, что является одной из актуальных задач современной тюркологии.

Обсуждение и результаты

В настоящей статье впервые собрана и систематизирована лексика арабо-персидского происхождения, относящаяся к семантическому полю «лечение и выздоровление» в башкирском языке, извлеченная из разнородных источников: академических и диалектологических словарей, этимологических работ, фольклорных записей и полевых материалов автора. Ранее эти данные были рассредоточены по отдельным публикациям и не рассматривались как единая тематическая система в области сравнительно-исторической тюркологии. На конкретных

примерах будет показано, как арабские и персидские заимствования, попадая в башкирский язык, развивают вторичные, периферийные и метафорические значения, обрастают мифологическими коннотациями и вступают в системные отношения с исконной лексикой. Основное внимание сосредоточено на семантической адаптации, мотивационных признаках и функционировании лексем в башкирском языке и его диалектах. Диалектные наименования рассматриваются как равноправный источник, позволяющий выявить архаичные значения, метафорические переносы и культурно-мифологические коннотации, не сохранившиеся в литературном языке.

Дарыу, имеющее в башкирском литературном языке значение ‘лекарство, снадобье’, происходит от перс. دارو *dārū* ‘лекарство, противоядие’ (Steingass, 1892, с. 497), в караидельском говоре имеет фонетический вариант *ҙарыу* ‘лекарство’, а также вторичную деривацию *дарыу итеү* ‘лечение, лечить’. Данное слово имеет изоглоссы как в тюркских, так и в финно-угорских языках Поволжья: тат. *дару*, мар., удм. *дару*, чув. диал. *тару*, а также соответствия в тюркских языках других регионов: каз. *дәрі*, ‘лекарство, средство’, кирг. *дары*, сиб.-тат. диал. *тары*, *тәре*, узб. *dori*, ст.-осм. *daru* ‘лекарство, противоядие’. Р. Г. Ахметьянов (1989, с. 95) возводит данное слово к перс. دارو *dārū* < ст. перс., инд. *dāru* ‘лекарство, снадобье, зелье’, ‘отвар (дерева)’, ‘купорос’ (который также использовался в лечебных целях). По сведениям информантов, в башкирском языке слово часто используется в своем переносном значении как ‘средство, способ’, особенно во фразеологии и в устной народной традиции, например: *ажәл дарыуы* ‘очень редкая, крайне необходимая вещь’, ‘панацея’ (букв. “лекарство от смерти”), бытуют поговорки *күп һүҙҙең дарыуы бер һүҙ* ‘средство от многословия – одно слово’ (соответствует русской поговорке “редко, да метко”), *күңел дарыуы – күңел* букв. ‘лекарство для души – (другая) душа’ и т. д. (ПМА, 2024).

О функционировании исследуемой лексики в тюркских языках по состоянию на середину XIX в. можем судить по данным словаря Л. З. Будагова (1869, с. 546), который указывает на два возможных фонетических варианта этого слова: *дэри* (для киргизского наречия) и *дару* (для всех остальных) в идентичном значении ‘лекарство, медикамент’, а также приводит производные داروكر *dārūkär* ‘лекарь, врачеватель’ и داروكر باشى *dārūkär bāshı* ‘аптекарь’. В современных языках эти дериваты уже не используются, однако в большинстве из них функционирует производное *дарыухана/даруханә* в значении ‘аптека’, также состоящее из двух заимствованных персидских компонентов: دارو *dārū* ‘лекарство, снадобье’ + خا نه *ḫāne* ‘дом, здание’. Слово *daru* в идентичных значениях неоднократно встречается и в ряде старокыпчакских текстов, что свидетельствует о его давней истории вхождения в тюркскую языковую среду (KTS, 2007, S. 56).

Об активном функционировании слова в башкирском языке свидетельствуют многочисленные пословицы и поговорки, вошедшие в общенациональный фольклорный фонд и зафиксированные в словарях: *Әжәлгә тейгән ауырыуға дарыу килешмәй* соотв. ‘От смертельной болезни нет лекарства’, *Һәр дарыу самаһынан уҙһа – ағыу* ‘Любое лекарство может стать ядом, если превысить дозу’, *Ялҡаулыҡтың дарыуы – эш* ‘Лекарство от лени – работа’ и мн. др. (Әхтәмов, 2008, с. 180).

Дарман в современном башк. языке имеет значение ‘сила, мощь’, ‘средство, способ’, ‘лекарство, средство’, восходит к перс. درمان *darmān* ‘лечение’ (процесс или способ) (Steingass, 1892, p. 514). Данное слово обнаруживает параллели в ряде других языков Поволжского региона: тат., чув. *тарман* ‘средство’, ‘способ’, ‘лекарство’, мар.-л. *тарман* ‘орудие’, *дарман* ‘сила, энергия’, удм. *дарман*, *дәрмән* ‘сила, средство’, ст.-тат., тат. диал. *дурман* ‘лошадиное лекарство’. Слово также имеет изоглоссы в тюркских языках Средней Азии, Кавказа и Крыма: кирг., к.-балк., кум., уйг. *дарман*, азер., *dərman,* тур., туркм., крым.-тат. *derman* в значениях ‘средство’, ‘способ’, ‘лекарство’.

Кроме того, в татарских диалектах, а также и в самом башкирском языке функционирует производное слово *дармана/дәрмана,* башк. *дармана үләне*, *зармана* в значении ‘вид полыни, используемый для выведения глистов’. Башкирское название *дармана үләне* – изафетная конструкция, включающая в себя компонент исконного происхождения *үлән* ‘трава’, т. е. в букв. переводе значит “лекарственная трава”; *зармана* – диалектный фонетический вариант литературного слова *дармана*, и все они являются однокоренными со словом *дарыу* (перс. دارو *dārū*) и изначально восходят к перс. корню *dār* ‘дерево’ (Ахметьянов, 1989, с. 95; 2015а, с. 240). Значение слова ‘сила, мощь’ вторично, хотя именно в этом значении оно чаще всего употребляется носителями башкирского языка, особенно в народном творчестве: *дәртем бар, дарманым юк, атым бар, йүгәнем юк* (букв. ‘задору много, да мочи нет, лошадь есть, да уздечки нет’ (из народной песни) (ПМА, 2024). В словаре Л. З. Будагова (1869, с. 556), помимо таких же значений, которые есть в современных языках, приводится производное درمانسز *darmānsız* (оно образовано при помощи тюркского аффикса *-sız* со значением ‘отсутствие признака’), имеющее значения ‘лишенный средств, помощи’, а также ‘изнуренный от болезни’, что свидетельствует об изначальном функционировании данного слова в его прямом значении.

В башкирской народной среде распространены пословицы и поговорки, отражающие функционирование слова *дарман* ‘лекарство, средство’ как в прямом, так и в переносном значениях: *Ауырыу дарыуҙан дарман көтөр* ‘Больной надеется на пользу от лекарства’, *Аш тигәндә – йән фарман, эш тигәндә – юк дарман* ‘Как кушать – тут как тут, а как работать – нет сил’, *Дәрт биргәнгә дарман бирер* ‘У кого есть задор, у того и силы найдутся’ (Әхтәмов, 2008, с. 180).

Дауа в башкирском литературном языке означает ‘лекарство, снадобье, целебное средство’, слово восходит к араб. دواء *dawā’, diwā’, duwā’* ‘лекарство, медикамент’ (Steingass, 1892, p. 539), в миас., тук-соран., средн. говорах имеет фонетический вариант *дәүә* ‘лекарство’, в сакм. говоре образует дериват *дауа майы* (араб. دوا *dawā’, diwā’, duwā’* ‘лекарство’ + башк. *май* ‘масло’) ‘сливочное масло, изготовленное в мае, которое считается целебным’, имеет следующие изоглоссы: тат. *дәва*, каз. *дауа*, кирг. *даба*, узб. *даво*, уйг. *дауа*, тур. *deva* ‘нечто исцеляющее,

целебное’. Р. Г. Ахметьянов (2015a, с. 240) возводит его к арабскому корню *dawā* ‘болезнь’. Как и предыдущие лексические единицы, используется в переносном значении ‘средство, способ’: *dərtmheҙgə dauа юк* ‘от нежелания средства нет’ (соотв. русск. ‘чему не гореть, того не зажечь’) и др. (ПМА, 2024). Слово встречается в словаре Л. З. Будагова (1869, с. 568) в идентичных значениях ‘лекарство’ и ‘средство, способ’. В отдельных современных тюркских языках образует следующие дериваты: тат. *дәваханә* ‘аптека’, слово состоит из двух заимствованных компонентов: араб. *дәва* ‘лекарство, снадобье, целебное средство’ + перс. خانه *ḫāne* ‘дом, здание’ (Ахметьянов, 2015a, с. 241), башк. диал. *dauа ҡығыҙы* ‘лекарственный молитвенник’ (араб. *dauа* ‘лекарство, снадобье, целебное средство’ + перс. کاغذ *kāġaḏ* ‘бумага’, ‘документ’). Кроме того, в ряде тюркских языков имеются сложные слова, образованные сочетанием предыдущих: башк. *дарыу-дарман* и *dauа-дарман*, кирг. *дары-дарман* или *дары-дармек*, узб. *dori-darmon* и др., все они имеют собирательное значение ‘лекарства, снадобья или целебные средства’.

Башкирское народное творчество содержит ряд паремий, демонстрирующих употребление слова ***dauа*** ‘лекарство, снадобье, целебное средство’ как в прямом, так и в переносном значениях: *Саф һауа – тәнгә dauа* ‘Чистый воздух – лекарство для тела’, *Ауырыуға dauа бар, дәртһеҙгә дауа юк* ‘От болезни есть средство, но от хандры – нет’, *Яҡшы һүҙ һау кешегә рәхәт, ауырыуға – dauа* ‘Доброе слово и здоровому человеку приятно, а для больного – лекарство’ и др. (Әхтәмов, 2008, с. 181).

Зәһәр – башк. ‘яд, отрава’, ‘желчный, ядовитый, язвительный’; мы включили данное слово в число других лексических единиц с семантикой “лечение и выздоровление” на основании того, что яды, как известно, в малых дозах тоже могут быть использованы для лечения болезней. Слово восходит к перс. زهر *zahr* ‘яд, отрава’ (Steingass, 1892, p. 630), имеет следующие изоглоссы: тат. лит. *зәһәр*, тат. диал. *зәгәр*, сиб.-тат. *сәр* ‘яд, отрава’, к-калп., азер. *зәһәр*, тур. *zehir*, туркм. *зәһер*, узб. *заҳар* ‘яд, отрава’, ‘желчь’. Такие переносные значения в башкирском и татарском языках, как ‘замечательно’ и ‘очень’, стали основой для тех же значений в финно-угорских языках Поволжья: мар. *зäр, зäхäр, сäхäр*, удм. *зäр, загар* ‘здорово’, ‘замечательно’, ‘очень’. Все значения восходят к персидскому слову زحر *zähr* ‘яд’, которое имеется так же и в арабском; кроме того, в некоторых тюркских языках функционирует дериват арабского происхождения *äzhär* ‘бесстрашный, гневливый’, который послужил источником татарской диалектной формы *әзәр* в том же значении (Ахметьянов, 2015a, с. 287).

Однако, согласно источникам, первоначально слово является персидским, оно встречается в форме *zehr* в тексте Gülistân bit-Türkî (KTS, 2007, с. 336), который, как известно, является переводом с персидского языка знаменитой поэмы «Гулистан» средневекового поэта Саади Ширази. Что касается чувашских форм *сехĕр, сехре* ‘страх, боязнь, аффект’, то изначально Р. Г. Ахметьянов (1989, с. 96) считал их тоже производными от тадж.-перс. слова *зäхрä* ‘желчь’, ‘острота’. Однако в более поздних работах ученый поменял свою точку зрения и писал, что, возможно, они восходят к булгарскому праязыку, и соотносил их с тат. диал. *зәрә* ‘душа, дух’, ‘страх’ (Ахметьянов, 2015a, с. 287). Исследователь чувашского языка М. Р. Федотов (1963, с. 91) в своей статье ошибочно относил чувашское слово *сехре* ‘желчь, желчный пузырь’, ‘страх’ к числу заимствований, не имеющих соответствия в татарском языке, хотя для нас теперь совершенно очевидно происхождение татарского *зәһәр* и чувашского *сехре* от одного персидского корня.

Примечательно, что еще в XIX в. Л. З. Будагов (1869, с. 609) различал значения ‘злоба, гнев’ как метафорические от слова *зэхрэ* ‘желчь, желчный пузырь’, а значения ‘отравлять ядом’ и ‘злиться’ – как производные от основы *зэхр* ‘яд’. Происхождением обоих слов от единого корня можно объяснить и употребление слова *зәһәр* ‘яд’ в значении ‘желчь’ во фразеологии, например, в туркменском *зехрем ярылды* ‘сильно испугаться’ (букв. ‘мой желчный пузырь лопнул’). Компонент *зәһәр* в значении ‘ядовитый’ используется в современных названиях некоторых растений: тат. *зәһәр чикләвек* ‘ясенец’, *зәһәр гөмбә* ‘ядовитый гриб (общее название)’, разг. ‘бледная поганка’, башк. *зәһәр ҡаҙаяҡ,* тат. *зәһәрча улән* ‘лютик едкий’, тат. *зәһәр әрем* ‘полынь горькая’. Кроме того, в башкирском языке данное слово употребляется также в составе таких изафетных конструкций, как *зәһәр һыуы* ‘алкоголь’, что в буквальном переводе означает “ядовитая вода” (это больше свойственно разговорному стилю) и соответствует химическому термину *зәһәр натр* ‘гидроксид натрия’ (букв. “едкий натрий”) (АСБЯ, 2012, с. 641-642). В башкирском фольклоре функционирует пословица *Йыландың тышы йомшаҡ, эсе зәһәр* ‘У змеи только шкурка мягкая, а внутри – яд’ (Әхтәмов, 2008, с. 207).

Сихәт в башкирском литературном языке означает ‘полезное свойство’, ‘польза для здоровья’, лит. уст. *сихәтлек* ‘здоровье’. В диалектах имеет следующие реализации: караид., средн., сакм. говоры *сихәт*, миас., ай. *сихат* ‘целебность’, миас. *сәхәт* ‘лекарство, лечение’, караид. *сихәтлек* ‘здоровье’, дем., тук-соран. *сихәтләнеү* ‘выздороветь’, тук-соран., сакм. *сихәтләү* ‘лечить’. Лексема происходит от араб. صحّة *ṣiḥḥat* ‘благополучие, здоровье’, ‘выздоровление после болезни’, ‘исправность, правильность’ (Steingass, 1892, p. 782) и восходит к арабскому корню *ṣḥḥ* ‘быть живым и здоровым’ (Ахметьянов, 2015b, с. 166). Кроме башкирского языка, функционирует в следующих тюркских: тат. *сихәт*, каз. уст., к.-калп., ног. *сыхат* ‘здоровье’, азер. *səhhət*, гаг. *сыххат*, тур. *sıhhat*, туркм. *сыххет*, узб. *сиҳат* в зн. ‘здоровье’, ‘хорошее самочувствие’. В отличие от другой лексемы *сәләмәтлек* ‘здоровье’, также имеющей арабское происхождение, слово *сихәт* больше употребляется в народно-разговорной речи (напр., поговорка *Йәнгә рәхәт – тәнгә сихәт* букв. “душе – отрада, а телу – здоровье”) (ПМА, 2024). Слово встречается в нескольких старокыпчакских текстах (KTS, 2007, с. 253), а в отдельных тюркских языках функционируют парные сочетания: башк. *сәхәт-сәләмәтлек*, узб. *сиҳат-саломатлик*, тур. *sıhhat ve afiye* в обобщенном значении ‘здоровье и благополучие’.

Шифа в башк. лит. языке ‘полезное свойство’, ‘польза от лечения’, ‘выздоровление’, происходит от араб. شفاء *šifāʻ* ‘исцеление, выздоровление’. На арабское происхождение слова указывается в словарях (Ахметьянов, 2015b, с. 491; Бәйешев, 2009, с. 130; АСБЯ, 2017, с. 816). Данное слово происходит от араб. корня *šfj* ‘лечение’,

в кызыльском говоре сохранилось и заимствованное из арабского языка производное *шифайат, шифаят* ‘лекарственный молитвенник’. Слово имеет соответствия в ряде тюркских языков: тат., крым.-тат. *шифа*, чув. *сиплĕ*, диал. *сипа*, азер. *şəfa*, тур. *şifa*, узб. *şifo*, туркм., уйг. *шипа* ‘исцеление, выздоровление’, ‘целительное воздействие’. В нескольких языках распространено пожелание здоровья в форме *şifa olsun* или *şifalı olsun* (букв. ‘пусть будет польза для здоровья’). В языках существуют также дериваты *şifaci* ‘лекарь, знахарь’ (слово образовано путем присоединения к арабской основе شفاء *šifā‘* ‘исцеление, выздоровление’ тюркского аффикса *-ci* в значении ‘деятель, профессионал’) и *şifahane* ‘больница, лечебница’, ‘здравница, санаторий’, образованное путем сложения двух заимствованных основ: араб. شفاء *šifā‘* ‘исцеление, выздоровление’ + перс. خانه *ḫāne* ‘дом, здание’.

Башкиры, по сведениям информантов, под словом *шифа* чаще всего подразумевают полезное свойство или целебное воздействие травы, предмета или места, в отличие от другого заимствованного слова *дарыу* ‘лекарство’, которое используется больше как медицинский термин (таблетки, назначенные врачом), т. е. употребление слова *шифа* имеет некоторый сакральный смысл (ПМА, 2024). Об этом свидетельствуют и примеры из татарского языка: *Төштән соң үләннең шифасы тамырына төшә* ‘после обеда целебное свойство травы уходит в корень’ (Накый, 1959а, с. 107). Похожая по смыслу пословица встречается и у башкир: *Питрауға саклы үләндең шифаһы сәскәлә, питрауҙан һуң – тамырҙа* ‘До Петрова дня сила травы в цветках, а после него – в корне’ (Әхтәмов, 2008, с. 589). Кроме того, в башкирском языке есть выражение *шифалы ҡул* ‘целительные руки’ – так в мифологии называются руки, способные лечить болезни своим прикосновением. Так, например, в «Мифологическом словаре» читаем: «Рука, разнявшая лягушку и змею, бывает целительной» (Хисамитдинова, 2010, с. 360), а в башкирском и татарском языках функционирует женское имя *Шифа*, что в переводе значит ‘целительница’.

Хәл в башк. лит. языке имеет значение ‘сила, мощь’, ‘состояние, положение’. Несмотря на то, что прямое значение слова относится к абстрактным, мы включили его в состав группы с семантикой «лечение и выздоровление» на основании того, что вторичное и наиболее употребительное значение этого слова – ‘состояние здоровья, самочувствие’ (ПМА, 2024). В говорах оно образует ряд дериватов, имеющих непосредственное отношение к лечению и выздоровлению: сев.-зап. *хәл булыу* ‘помогать, идти на пользу (о лекарстве)’, сев.-зап. *хәлләнеү* ‘выздоравливать’, средн.-урал., сакм. *хәлһереү* ‘обессилеть, ослабнуть’ (в противоположность к значению ‘выздоравливать’).

Данное арабское слово являет собой пример повсеместного распространения в языках Поволжья, Передней и Средней Азии: тат. *хәл, халь*, мар. *кал, кäл, ал,* удм. *кал,* каз., к.-калп., к.-балк., чув. *хал,* кр.-тат. *аль*, азер., тур., уйг. *hal*, узб. *hol* и восходит к арабскому слову حال *ḥāl* ‘положение, состояние’, ‘сила мощь’ (Steingass, 1892, p. 409). В разговорной речи башкир весьма употребительны дериваты, отражающие использование этого слова именно в значении ‘здоровье, самочувствие’: *хәл белеү* ‘справляться о здоровье’, *хәл бөтөү* ‘устать, обессилеть’, *хәл инеү* ‘крепнуть, набираться сил’, *хәлдән тайыу* ‘изнемогать, выбиваться из сил’ и др. (ПМА, 2024), что свидетельствует о глубоком внедрении этого заимствования в народно-разговорный язык. В устном народном творчестве находим изобилие пословиц и поговорок с использованием данного слова. Приведем только некоторые из них: *Астың хәлен тук белмәҫ* соотв. ‘Сытый голодного не разумеет’, *Арыҫлан хәлдән тайһа ла, бер һарыҡлыҡ көсө бар* ‘У обессиленного льва все равно найдутся силы на одну овцу’ и т. д. (Әхтәмов, 2008, с. 552). Слово *ḥāl* в своем первичном значении ‘положение, состояние’ имеет многочисленные употребления и в древнекыпчакских текстах, что свидетельствует в пользу его довольно раннего заимствования в тюркские языки (KTS, 2007, с. 90).

Таким образом, как в свое время совершенно справедливо отмечал профессор Р. Г. Ахметьянов, «у народов Среднего Поволжья выработались общие наименования недугов, болезней и общие для них методы лечения» (1989, с. 93). Приведенные в нашей работе дополнительные данные, касающиеся ориентальной лексики из тюркских языков других групп и регионов, позволили в значительной степени восполнить недостающие сведения в этой области и существенно расширить географический ареал арабо-персидского влияния на лексику семантического поля «лечение и выздоровление», включив в него тюркские языки Передней и Средней Азии, Кавказа и Крыма.

Заключение

В результате проведенного исследования определен объем и статус арабо-персидского языкового влияния на лексико-семантическое поле «лечение и выздоровление» в современном башкирском языке на общетюркском фоне.

Полная выборка лексики, относящейся к семантическому полю «лечение и выздоровление», извлеченная из разных лексикографических источников, академических и диалектологических словарей, этимологических работ, фольклорных записей и полевых материалов автора, свидетельствует о широком распространении и активном функционировании лексических единиц исследуемой лексико-тематической группы в башкирском языке и его диалектах.

В результате сравнительно-исторического анализа установлено, что заимствованная арабо-персидская лексика с семантикой «лечение и выздоровление» представлена практически во всех языках западнохунской ветви тюркских языков, при этом лексические единицы башкирского языка находят свои соответствия не только в поволжских финно-угорских языках, но и в кыпчакских и огузских языках Средней и Малой Азии, Кавказа и Крыма. На конкретных примерах было показано, как арабские и персидские заимствования, попадая в башкирский язык, развивают вторичные, периферийные и метафорические значения, обрастают

мифологическими коннотациями и вступают в системные отношения с исконной лексикой. Часто наиболее употребительными становятся именно вторичные, переносные значения заимствованных слов.

Широкое распространение лексики, составляющей семантическое поле «лечение и выздоровление» в устном народном творчестве свидетельствует о ее глубоком внедрении в народно-разговорную речь башкир, а наличие соответствий в других тюркских языках – о древности ее происхождения.

Заимствованная лексика с семантикой «лечение и выздоровление» в башкирском языке является небольшим подразделом крупной лексико-семантической группы, объединенной общим названием «Соматическая лексика ориентального происхождения», которая включает в себя еще названия частей тела и органов человека, а также наименования болезней и физиологических состояний. В качестве перспективы дальнейшего развития данной темы планируется предпринять подобный сравнительно-исторический анализ и этимологический разбор остальных лексических единиц для указанных групп лексики. В совокупности полученные данные могут составить надежную теоретическую и практическую основу при создании этимологического словаря башкирского языка, в частности при описании заимствованной лексики.

Список условных сокращений языков и диалектов

азер. – азербайджанский
араб. – арабский
башк. – башкирский
гаг. – гагаузский
инд. – индийский (древнеиндийский)
каз. – казахский
к.-балк. – карачаево-балкарский
к.-калп. – каракалпакский
кирг. – киргизский
крым.-тат. – крымско-татарский
кум. – кумыкский
мар. – марийский
мар.-л. – луговой марийский
ног. – ногайский
перс. – персидский
рус. – русский
сиб.-тат. – сибирско-татарский
ср.-перс. – среднеперсидский
ст.-осм. – староосманский
ст.-перс. – староперсидский
ст.-тат. – старотатарский
тадж. – таджикский
тат. – татарский
тур. – турецкий
туркм. – туркменский
удм. – удмуртский
узб. – узбекский
уйг. – уйгурский
чув. – чувашский

Диалекты и говоры башкирского языка

ай. – айский говор
дем. – демский говор
караид. – караидельский говор
миас. – миасский говор
сакм. – сакмарский говор
сев.-зап. – северо-западный диалект
средн. – средний говор
средн.-урал. – среднеуральский говор
тук-соран. – тук-соранский говор

Материалы исследования | Research materials

1. АСБЯ – Башҡорт теленең академик һүҙлеге = Академический словарь башкирского языка: в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2011-2018.
2. Ахметьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге = Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Казань: Магариф-вакыт, 2015a. Т. 1: А-Л.
3. Ахметьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге = Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Казань: Магариф-вакыт, 2015b. Т. 2: М-Я.
4. Әхтәмов М. Х. Башҡорт халыҡ мәҡәлдәре һәм әйтемдәре һүҙлеге = Словарь башкирских народных пословиц и поговорок. Уфа: Китап, 2008.
5. Бәйешев Ә. Ғ. Башҡорт телендә йөрөгән ғәрәп һәм фарсы һүҙҙәре = Арабские и персидские слова в башкирском языке. Уфа: Институт истории, языка и литературы, 2009.
6. Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык: в 2 т. СПб.: Тип. Академии наук, 1869. Т. 1.
7. ДАБЯ – Башҡорт теленең диалектологик атласы = Диалектологический атлас башкирского языка / отв. ред. Ф. Г. Хисамитдинова. Уфа: Гилем, 2005.
8. ДСБЯ – Башҡорт теленең диалекттары һүҙлеге = Диалектологический словарь башкирского языка / сост. М. И. Дильмухаметов, З. Х. Ханова. Уфа: Китап, 2002.
9. Накый И. Татар халык мәкальләре = Татарские народные пословицы: в 3 т. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1959. Т. 1.

10. ПМА 2024 — Полевые материалы автора (опрашивались носители башкирского языка, проживающие в с. Смакаево, с. Кусяпкулово, с. Тирмен-Йылга Ишимбайского района Республики Башкортостан в 2024 г.; материалы хранятся в личном архиве автора)
11. Федотов М. Р. Об арабских и персидских заимствованиях в чувашском языке (лексико-семантический обзор и словарь) // Ученые записки НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1963. Вып. 26.
12. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010.
13. Экба З. Н. Башкирско-русский словарь слов арабского и персидского происхождения. Уфа: Китап, 2004.
14. Denkschrift. Die Transliteration der arabischen Schrift. Leipzig, 1935.
15. KTS – Kıpçak Türkçesi Sözlüğü / R. Toparlı, H. Vural, R. Karaatlı. 2. baskı. Ankara: Öncü Basımevi, 2007.
16. Steingass F. A Comprehensive Persian-English Dictionary. Beirut: Librairie du Liban Publishers, 1892.

Источники | References

1. Ахметьянов Р. Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1989.
2. Дмитриев Н. К. Варваризмы в башкирской речи // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР: сборник. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1929. Т. IV.
3. Дмитриев Н. К. Арабские элементы в башкирском языке // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР: сборник. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1930. Т. V.
4. Ишбердин Э. Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка: монография. М.: Наука, 1986.
5. Кейекбаев Ж. Ғ. Башҡорт теленең фонетикаһы: Тасуири һәм сағыштырма-тарихи тикшеренеү тәжрибәһе. Өфө, 1958. = Киекбаев Дж. Г. Фонетика башкирского языка: опыт описательного и сравнительно-исторического изучения. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1958.
6. Максютова Н. Х. Материалы по лексике айских башкир // Башкирская лексика. Уфа: Башкнигоиздат, 1966.
7. Мудрак О. А. Кавказизмы в осетинском языке (фонетическая адаптация, разбор семантического поля) // Родной язык. Лингвистический журнал. 2014. № 1 (2).
8. Мудрак О. А. Кавказизмы в осетинском языке (разбор семантических полей «скот», «коневодство») // Родной язык. Лингвистический журнал. 2016. № 2 (5).
9. Мудрак О. А. Слои заимствований в карачаево-балкарской культурной лексике // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 6.
10. Мудрак О. А. Тюркизмы в русском языке. Статистические данные по этимологии, употребительности и семантике // Родной язык. Лингвистический журнал. 2026. № 1. https://doi.org/10.37892/2313-5816-2026-1-194-229
11. Халикова Р. Х. Язык башкирских шежере и актовых документов XVIII-XIX вв.: монография. М.: Наука, 1990.
12. Хисамитдинова Ф. Г. Об этимологическом словаре башкирского языка (ЭСБЯ) // Российская тюркология. 2019. № 1-2 (22-23).

Финансирование | Funding

RU Публикация подготовлена в рамках проекта FMNE-2025-0003 «Лингвогеография и история уральских и алтайских языков», поддержанного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации.

EN This publication was prepared as part of the project FMNE-2025-0003, “Linguistic Geography and History of the Uralic and Altaic Languages”, supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Информация об авторах | Author information

RU **Экба Зарема Назировна**[1], к. филол. н.
[1] Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва

EN **Zarema Nazirovna Ekba**[1], PhD
[1] Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

[1] *zaremaekba@iling-ran.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 29.09.2026; опубликовано online (published online): 26.11.2026.

Ключевые слова (keywords): башкирский язык; диалекты башкирского языка; арабо-персидские заимствования; семантическое поле «лечение и выздоровление»; Bashkir language; dialects of the Bashkir language; Arabic-Persian loanwords; semantic field of “treatment and recovery”.